

**Международная академия методологии
государственного управления
МОО
Всероссийское общественное движение
«За социализм»
ВОД**

Скворцов С.Б.

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ КПСС

Аналитико-прогностический аспект

Вып.28.

Том 588(630).

Москва – 2020

Научное, энциклопедическое
многотомное издание
«Человек и общество»

действует с 1991 года (Москва-Киев).

С 2016 г. –

Интернет-Издание.

**Основатель, научный редактор
Комарова А.И**

Для государственных и негосударственных органов, общественных организаций и объединений, государственных деятелей, политиков, ученых, специалистов-практиков, преподавателей высших и иных образовательных учреждений, аспирантов, студентов ..., а также широкого круга читателей, интересующихся вопросами утверждения правового государства, созидания истинно человеческого общества - общества социальной справедливости в России, Украине и в Мире

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ КПСС. Скворцов С.Б. /
«Всероссийское общественное движение «За
социализм». Вып. 28. / Гл. ред. Комарова А.И. Том
588(630). М., 2020.

©Международная академия методологии государственного управления, 2020.

© Всероссийское общественное движение
«За социализм», 2020.

Настоящий Том 588 (630) – это очередной выпуск 630-томного Издания, который продолжает ДИАЛОГ – ОБРАЩЕНИЕ к социуму Планеты, государствам и народам - нашим современникам и будущим поколениям - созидателям ИСТИННО ЧЕЛОВЕЧНОГО ОБЩЕСТВА – ОБЩЕСТВА СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

**Основной из принципов нашей активности:
«Прогрессивные идеи должны работать – звучать, как колокола, тиражироваться – пока не станут инициировать действия государственно-управленческого, политического, научного ... АВАНГАРДА общества, миллионов народных масс».**

А.Комарова

Комарова Алина Ивановна – ректор Международной академии методологии государственного управления (МОО), Председатель Международного антикоррупционного комитета (МОО), член Центрального Совета РУСО, Координатор Всероссийского общественного движения «За социализм», академик Ноосферной общественной академии наук, доктор философских наук, профессор, юрист

Том 588(630) – двадцать восьмой выпуск новой рубрики нашего Интернет-Издания:

**«Всероссийское общественное движение
«За СОЦИАЛИЗМ».**

<http://viperson.ru/articles/manifest-vserossiyskogo-obschestvennogo-dvizheniya-za-sotsializm-m-2020> / МАНИФЕСТ Всероссийского общественного движения «За социализм». М., 2020.

* * *

Скворцов Сергей Борисович –

**член Совета Всероссийского общественного движения
«За социализм».**

Первый секретарь Коммунистической партии Советского Союза.

**Советский политик, один из основателей
Марксистской платформы в КПСС.**

**Был инициатором «XXIX восстановительного съезда» КПСС,
который провёл в июле 1992 года в г. Пушкино.**

**С тех пор возглавляет компартию под названием КПСС
(формат легитимизации: «без юридического лица»).**

*** * ***

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ КПСС

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ КПСС

Посвящается I съезду РСДРП

13 марта 1898 года (по новому стилю) открылся Первый съезд РСДРП, на котором и была создана наша партия, существующая уже более 120 лет. За прошедшие годы она прошла большой и славный путь, на котором, к сожалению, были не только победы, но и тяжелые поражения, и трагические ошибки. Обо всем этом историки спорят уже не первый год и будут, вероятно, спорить дальше. Однако есть период в истории КПСС, о многих событиях которого пока не имеют четкого представления даже специалисты, а кое о чем не знает вообще никто, кроме непосредственных их участников. Речь идет о нынешнем этапе деятельности партии, начавшемся сразу после августовского антисоциалистического переворота 1991 года. Видимо, пришла пора об всем этом рассказать, тем более, что скрывать нам нечего.

ПЕРЕД БУРЕЙ

Общеизвестно, что «брежневская» КПСС была скорее не политической партией, а частью государственного аппарата, в недрах которого сосуществовали сторонники самых различных идеологических взглядов. С началом горбачевской «перестройки» все эти до поры до времени скрывавшиеся расхождения вышли наружу. Оказалось, что в рядах одной и той же политической организации состоят как фундаменталисты вроде Нины Андреевой, так и откровенные антикоммунисты типа Егора Гайдара.

С течением времени сторонники определенных течений консолидировались в платформы: Демократическую, Марксистскую, Движение коммунистической инициативы. Борьба, к сожалению, шла не на равных, поскольку сторонники социал-демократических и буржуазных взглядов имели мощную поддержку со стороны руководства партии, и в первую очередь А.Н.Яковлева и М.С.Горбачева. Это руководство, взявшее курс на капитализацию СССР и ликвидацию социалистического содружества, естественно, стремилось и к преобразованию КПСС путем удаления отсюда всех подлинно коммунистических элементов. На очередном съезде партии, намеченном на осень 1991 г., планировалось окончательно придать партии социал-демократический характер, приняв соответствующую программу, а может быть, и изменив название. В условиях, когда у сторонников коммунистических взглядов не было своих средств массовой информации, этот исход был вполне вероятен. Зимой 1991 г., всего за полгода до августовской катастрофы, я выступал перед партийным активом Ногинского района Московской области. После того, как я в течение часа рассказывал о том, в какую пропасть тянет партию и страну Горбачев, один из присутствующих, пенсионер, огорошил меня вопросом: «Когда же вы

прекратите свои нападки на ленинский ЦК?»... И таких «коммунистов», вскоре навсегда покинувших ряды КПСС, в партии тогда было много.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Однако жизнь распорядилась по-иному. Запутавшись в собственных комбинациях, М.С.Горбачев спровоцировал (или сам организовал) августовский «путч», в результате которого лишился реальной власти и, что называется, «сдал» партию, которая больше не была ему нужна. Б.Ельцин подписал указ о «приостановке» деятельности КПСС, который вскоре был проштампован до смерти перепуганным Верховным Советом СССР.

Перед оставшимися верными своим убеждениям коммунистами встал вопрос «что делать?». В принципе существовало два пути: воссоздавать КПСС (естественно, в обновленном виде) или создавать некую новую коммунистическую партию. Учитывая, что в КПСС к тому времени уже действовало несколько платформ, новых партий вполне могло стать достаточно много. Кроме того, ни один объективный аналитик не мог заранее сказать, пойдут ли коммунисты в новую организацию.

Главным же аргументом против воссоздания КПСС был обыкновенный страх перед репрессиями, угроза которых оставалась вполне реальной. В условиях антикоммунистической истерии для работы по воссозданию КПСС, действительно, требовалось определенное мужество. С другой стороны, под влиянием враждебной пропаганды, несколько лет поливавшей партию грязью, определенная часть коммунистов вполне искренне считала, что историю коммунистического движения в нашей стране надо начинать «с чистого листа».

Кстати, о страхе. Прежде чем продолжить свой рассказ, скажу несколько слов о том, как вели себя в августе 1991 года те, кто еще недавно стоял во главе государства. В то время я работал консультантом депутатской группы «Союз» и поэтому мог наблюдать за происходящим собственными глазами. Никто из тогдашних руководителей КПСС (а почти все они были еще и депутатами) не вступились за партию, которую после августовского "путча" обливали потоками грязи. Мало у кого из этих людей хватило смелости выступить публично, но и тогда они лишь жаловались на то, как в их квартирах проводили обыски, нарушая тем самым их депутатскую неприкосновенность (что, конечно, действительно было произволом). В защиту партии из них не выступил никто. Единственным, кто тогда это сделал с трибуны - Рой Александрович Медведев, человек, который за свои взгляды был в свое время из КПСС исключен. И хотя я не разделяю его нынешние убеждения, я глубоко уважаю его за то, как он вел себя в августе 1991 года.

Зарубежные коммунисты потом много раз меня спрашивали: как же так получилось, что многомиллионная партия была разогнана чуть ли не в один день, и никто не протестовал, никто не выходил с протестом на улицы? Ответ здесь довольно простой: прежнее руководство настолько разложило партию,

что рядовые коммунисты утратили всякую инициативу, а само оно, это руководство, в момент кризиса трусливо попряталось в щели.

ОТКУДА В РОССИИ ВЗЯЛОСЬ МНОЖЕСТВО КОММУНИСТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Мне трудно говорить категорично о том, какие именно чувства испытали лидеры внутривнутрипартийных течений, узнав о роспуске КПСС, но, несомненно, среди этой гаммы чувств была и радость. Теперь уже ничто не мешало осуществлению их заветной мечты о создании своей, новенькой, идеологически чистой коммунистической партии, не «запятнанной» никакими историческими грехами. За несколько месяцев, оставшихся до конца 1991 года, на базе Движения коммунистической инициативы возникла Российская коммунистическая рабочая партия, на базе Большевистской платформы - Всесоюзная коммунистическая партия большевиков (партия Нины Андреевой), на базе Марксистской платформы - Российская партия коммунистов и Союз коммунистов. Каждая из этих партий в последующие годы раскололась, образовав в общей сложности с десятков организаций.

Являясь членом Координационного совета (КС) Марксистской платформы в КПСС, я был свидетелем и в некоторой степени участником этого процесса, о чем сейчас и расскажу.

Вернувшись с заседания Верховного Совета, на котором было принято решение, подтверждавшее Указ Б.Ельцина о «приостановке» деятельности КПСС, я сообщил о только что принятом документе Координационному Совету Марксистской платформы (точнее, московской его части). В принципе это вряд ли было для собравшихся членов Совета полной неожиданностью, но, тем не менее, новость все равно прозвучала как гром среди ясного неба. Естественно, встал вопрос о дальнейших действиях членов МП.

Один из лидеров платформы, Анатолий Викторович Крючков, сразу же высказался за создание на ее базе новой коммунистической партии. Я предлагал преобразовать МП в общественно-политическую организацию, но в партию ее не превращать, мотивируя это тем, что коммунисты в массовом порядке ни в какую новую партию не пойдут (что впоследствии и подтвердилось). Крючкова это, между прочим, не смущало: как он говорил, «пусть партия будет маленькая, но боевая», что в тогдашнем контексте явно звучало «маленькая, но своя». Еще один лидер платформы, Алексей Алексеевич Пригарин, который в те времена был членом горбачевского ЦК КПСС, казался растерянным и твердой позиции не занимал. Большинством в один голос прошло предложение Крючкова, а не мое. Позднее с таким же результатом кончилось голосование и на заседании КС полного состава. Был утвержден оргкомитет по созданию новой партии, который сразу же, на заседании, в котором я уже не принимал участия, раскололся на два - по созданию Российской партии коммунистов во главе с А.Крючковым и созданию Союза коммунистов во главе с А.Пригариним.

МЫ ПОЙДЁМ ДРУГИМ ПУТЕМ

Обзвонив знакомых активистов в регионах, я лишь еще больше утвердился в той мысли, что, несмотря на шок, большинство коммунистов настроено против создания новых партий. Более того, в начале сентября в некоторых регионах началось создание не входящих ни в какие партии объединений коммунистов. Одним из первых такое объединение было создано, например, в далеком Южно-Сахалинске. Было ясно, что это может стать основой для возрождения КПСС. И так уж получилось, что с этой инициативой тогда выступил именно я – со своими давними соратниками по так называемому «неформальному политическому движению» и Марксистской платформе.

Было ясно, что подписи под заявлением о создании Комитета за единство коммунистов должны быть такие, чтобы произвести впечатление на редакторов газет. По моей просьбе его подписали знакомые мне по работе движения «Союз» первый секретарь Нижегородского горкома КПСС, член Секретариата ЦК КПСС А.Мальцев, народный депутат СССР Л.Сухов (в последующем оба не принимали в работе Комитета никакого участия) и мой тогдашний земляк, секретарь Подольского горкома КПСС Ю.Шипулин (который вскоре ушёл из Комитета).

Копии обращения «К коммунистам страны» где-то около 20 сентября были отданы в редакции газет «Правда» и «Советская Россия», где их благополучно положили под сукно. Прежняя партноменклатура, пусть даже временно оставшаяся не у дел, по-прежнему жестко контролировала эти издания, а появление конкурентов ей было совсем ни к чему.

Из центральных левых изданий оставалась только «Гласность». Уже ни на что не надеясь, мы открыли ее номер за 10 октября - и что же? Там было напечатано наше заявление с тогдашними нашим адресом и телефоном! Нашему ликованию не было предела.

Текст обращения я привожу здесь – оно очень короткое. Сейчас, перечитывая заявление через много лет, видишь, что в основном мы были правы. И если бы к нашему голосу тогда прислушалось больше людей, история коммунистического движения во многом пошла бы по-другому.

К КОММУНИСТАМ СТРАНЫ

В результате антиконституционного запрета деятельности КПСС и бездействия ее руководства партия перестала существовать как организованная политическая сила.

Однако, устранив оппозицию, новые власти не в состоянии устранить стоящие перед страной острейшие проблемы. Уже ясно, что и новое руководство страны не в состоянии ничего предложить народу, кроме призывов «потуже затянуть пояса» и обветшалых идеологических догм столетней давности. Стране нужна оппозиция, нужна коммунистическая

партия, будет ли она называться Партией коммунистов, КПСС, или, к примеру, Социалистической народной партией. Такая, по сути дела новая партия, должна создаваться снизу, по инициативе самих коммунистов, без участия обанкротившегося бывшего руководства КПСС.

Чтобы быть сильной, создаваемая партия коммунистов должна быть единой. Однако в результате идейных разногласий между коммунистами сейчас существует возможность возникновения нескольких коммунистических партий, занятых не столько реальной политической борьбой, сколько выяснением отношений между собой.

Нельзя идти по этому пути, товарищи коммунисты! Этого нам не простит народ, не простит история. Давайте отложим до лучших времен наши иногда действительно серьезные теоретические споры и сосредоточимся на том, что нас объединяет - на борьбе за сохранение жизненного уровня народа, за демократию, за единство страны.

Партия должна возрождаться именно на основе единства действий в интересах народа. Поэтому мы, представители различных течений, объединились в Комитет за единство коммунистов, ставящий целью помочь инициативе коммунистов по возрождению своей партии.

Мы призываем коммунистов объединяться в инициативные группы по возрождению коммунистической партии, регистрировать их (там, где это возможно) в местных органах власти и выбирать делегатов на съезд возрождения партии коммунистов, который и решит судьбу коммунистического движения в нашей стране. Мы готовы всемерно помочь в координации этой деятельности.

В ответ на обращение мы получили множество писем и телефонных звонков. По всем этим адресам мы разослали информационное письмо номер 1 (за ним последовали другие), в которых давали рекомендации о том, как создать объединение коммунистов и о том, что, собственно, делать. «Не забывайте, - было написано в письме, - что оргработа - хотя и важная, но не самая главная часть работы политической организации. Главное - это все же политическая работа с людьми... Рекомендуем сразу использовать такую массовую форму работы, как сбор подписей». Имелись в виду подписи против введения свободных цен и в защиту Курил (когда С.Бабурин говорит, что он первый выступил в их защиту, то слегка преувеличивает).

К сожалению, наши сторонники на местах этому призыву внимали слабо, привыкнув за прошедшие годы к тому, что вся политика сводится к партийным собраниям. В этом, конечно, не их вина, а их беда, кстати, до конца не изжитая до сих пор. Но все равно жаль - если бы такая работа проводилась с должным размахом, мы бы уже тогда получили многих и многих новых сторонников.

РОСПУСК КПСС

6 ноября власти нанесли нам новый удар. Средства массовой информации сообщили об указе Ельцина, объявлявшем о «ропуске организационных структур» КПСС. Мы встретили его довольно спокойно. 7 ноября сразу после демонстрации я передал прямо с телефона-автомата соответствующее заявление в информационные агентства (см. ниже), которое затем прозвучало по радио. Насколько мне известно, больше никто из левых деятелей на роспуск КПСС не реагировал - то ли побоялись, то ли (скорее всего) их это не волновало.

Президент РСФСР Б.Н. ЕЛЬЦИН преподнес своим согражданам «подарок» к 74-й годовщине Октября, объявив о запрете деятельности КПСС. Эта незаконная мера - очередной шаг на пути подавления оппозиции и установления личной диктатуры Президента России. Сегодня запугивают коммунистов, а завтра могут загнать в подполье всех инакомыслящих.

Тщетность попыток властей остановить надвигающуюся экономическую катастрофу, падение их авторитета в народе порождают стремление руководства республики застраховать себя от возможных осложнений, расправившись со своими политическими оппонентами. Этот путь ведёт в тупик. Недовольство народа не устранить репрессиями. Коммунисты же будут и впредь, вне старых структур КПСС, продолжать свою деятельность по защите интересов трудящихся.

7 ноября 1991 г.

Координатор Комитета за единство коммунистов
С.Б.Скворцов

ВСТРЕЧА С ЗЮГАНОВЫМ

Как я уже упоминал, в первоначальный состав Комитета за единство коммунистов входил секретарь Подольского комитета КПСС Юрий Шипулин. Достаточно молодой парень (тогда ему было лет тридцать пять), он, хотя и проработал в партийном аппарате меньше года, уже успел как следует проникнуться его духом. С типичным для аппаратчиков преклонением перед известными именами он предложил пойти на переговоры к тогдашнему секретарю ЦК Компартии РСФСР Геннадию Андреевичу Зюганову - пусть он, дескать, нас возглавит. Я был уверен, что ни один из уже известных деятелей к нам не пойдет, но разубеждать его не стал.

У Шипулина были какие-то знакомые в ЦК КП РСФСР, они договорились о встрече (тогда это было легко), и, кажется, в начале октября мы отправились на аудиенцию к Зюганову. Весь Центральный Комитет размещался тогда в нескольких комнатах в одном из зданий на Старой площади. Насколько можно было понять, оставшиеся немногочисленные сотрудники занимались двумя вещами: своим трудоустройством и подготовкой съезда откровенно социал-демократической Социалистической партии трудящихся.

С Зюгановым до этих пор мне встречаться не приходилось. В тот момент он произвел на меня впечатление совершенно сломленного человека. Внимательно выслушав наше предложение, он сказал буквально следующее: «Идея коммунизма устарела, сейчас актуален патриотизм. Я желаю вам удачи, ребята, но присоединиться к вам не могу». Подобный подход меня не удивил, он был достаточно распространен среди значительной части партноменклатуры, и, подарив Зюганову несколько номеров нашей «Народной газеты» (которую он потом, кстати, очень хвалил), мы откланялись.

Представьте себе мои чувства, когда через полтора года Геннадий Андреевич возглавил Коммунистическую (!) партию Российской Федерации...

ШАНСЫ НА УСПЕХ

Теперь, с высоты прошедших лет, невольно задаешься вопросом: а реально ли вообще было воссоздать КПСС как единую коммунистическую партию? Не была ли такая попытка проявлением политической наивности?

Я все же думаю, что с точки зрения объективных условий задача была реальной. Прежде всего, знаменитые ельцинские указы сыграли тогда не только отрицательную роль. Самую активную часть коммунистов они не испугали, однако отсекали от комдвижения оппортунистически настроенную часть бывшей партноменклатуры. Она или «залегла на дно», или ринулась в созданную уже в октябре 1991 г. Социалистическую партию трудящихся. Такая ситуация длилась в общем-то недолго - меньше года, до решения Конституционного суда, но, тем не менее, «окно возможностей» открылось.

Кстати, об указах Ельцина. Они были очень грозными с виду, но не имели механизма реализации. Никаких законных правовых мер к нарушителям указов применить было нельзя. Тем не менее, подавляющая часть бывшей партноменклатуры им подчинилась. Бывших партработников, выражаясь вulgарным языком, «взяли на пушку».

Конечно, к нам применялись меры незаконные. Часть этих мер, как, например, прослушивание разговоров и проч., применяется до сих пор. Но в целом работать было можно. Таким образом, возникла уникальная ситуация, когда социал-демократическая часть старой КПСС на участие в коммунистическом движении не претендовала.

А вот субъективные условия были против нас. Несмотря на то, что им готовы были во всём пойти навстречу, лидеры вновь образованных левых партий уклонились от участия в воссоздании КПСС и пошли на раскол коммунистического движения. При этом, что даже забавно, они долгое время выставляли раскольниками именно нас, хотя попытка возродить просуществовавшую почти сто лет партию никак не может быть расколом. Раскол – это когда партию пытаются разорвать, создав на основе какой-то её части новую организацию.

НАЧАЛО ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Как я уже отмечал, после публикации в «Гласности» мы получили сотни писем и телефонных звонков от коммунистов из самых разных регионов. Кроме того, у нас сохранились координаты некоторых активистов Марксистской платформы, часть которых тоже приняла участие в нашей работе.

Наш комитет стремился максимально соблюдать нормы действовавшего Устава партии, но сделать это было нелегко. Ведь Устав, естественно, не предполагал ситуации, когда партия будет распущена, а руководство разбежится.

Выход, однако, был найден – в Уставе имелось никогда не применявшееся ранее положение о том, что комитет по созыву съезда может быть сформирован на чрезвычайной конференции, созванной по инициативе нескольких компартий союзных республик. И такие партии мы нашли. Это были Компартия трудящихся Приднестровья (в бессарабской части Молдавии коммунистической организации тогда просто не существовало), и Компартия Таджикистана, которая в 1991 г. распущена не была.

Тем не менее, наш статус как непосредственных организаторов был несколько неопределённым. Наш комитет постепенно пополнялся, но оставался чисто инициативным, никем не избранным. Поэтому ещё до всесоюзной конференции мы провели конференцию коммунистов Московского региона, в которой участвовали представители не только Москвы и области, но и ряда соседних регионов.

Активную роль здесь сыграли к тому времени уже созданные и даже зарегистрированные Объединения коммунистов Загорского района и города Королёва, руководители которых впоследствии вошли в ЦК и Секретариат ЦК КПСС. Некоторые из других участников мероприятия входили во вновь образованные партии, но всё же считали необходимым работать над воссозданием КПСС.

Московская конференция приняла документы, после неоднократной доработки на ряде мероприятий ставшие основой документов 29-го съезда. Пополнившийся Комитет за единство коммунистов общим голосованием получил необходимые полномочия для непосредственной организации Всесоюзной конференции.

ПЕРЕГОВОРЫ

К началу февраля подготовка к конференции вышла на финишную прямую. Я по-прежнему пытался привлечь к участию представителей вновь созданных российских компартий. При этом речь вовсе не шла о том, что, как много говорили и писали, им якобы предлагали идти под моё руководство. Нет, предполагалось, что в обновлённой КПСС не будет единоличного лидера, а будут сопредседатели. При этом, если говорить откровенно, я прекрасно понимал, что мой тогдашний авторитет был явно ниже, чем, например, у

Виктора Анпилова, и в объединённом руководстве тон задавать буду вовсе не я. Тем не менее, ради общей цели я был готов пойти и на это.

А вот мои «партнёры» оказались не готовы. Нина Андреева (ВКПБ) вообще отказалась приехать на конференцию. А.В.Крючков согласился приехать, но сразу дал понять, что наш проект не поддерживает. Но самая интересная ситуация сложилась с А.Пригаринным.

После августовского переворота он с частью членов Марксистской платформы создал Союз коммунистов, но не смог его зарегистрировать – не хватило представительства в регионах. Тогда Алексей Алексеевич вспомнил о том, что был членом горбачёвского ЦК КПСС (кстати, в апреле 1991 г. он голосовал на пленуме *против* отставки Горбачёва), и решил попробовать силы в деле восстановления КПСС, но по своему сценарию. Представительства в регионах, как я уже писал, он не имел, поэтому пошёл по чисто аппаратному пути, собрав в конце декабря 1991 г. нескольких членов старого ЦК (из 400). Это совещание объявило, что будет готовить Пленум горбачёвского ЦК. Таким образом, Пригарин одновременно занимался строительством сразу двух партий, но это его нисколько не смущало.

Накануне конференции я с ним встретился, и мы договорились, что каждый подчинится общему решению – как проголосуют делегаты, так и будет. Увы, как мы дальше увидим, Алексей Алексеевич своего слова не сдержал.

ФЕВРАЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Чтобы не терять времени и сил, перемещаясь туда-сюда, я на три дня переселился в какое-то общежитие в Железнодорожном. И общежитие, и зал в Доме культуры, где должно было пройти само мероприятие, подыскали члены Комитета из числа бывших низовых партийных работников Московской области. Таких было несколько человек, но после создания КПРФ они, к сожалению, ушли туда.

Тем не менее, за аренду зала нужно было платить – пусть даже символическую сумму. У читателей возникает вопрос: откуда деньги? Кстати сказать, в своё время его усиленно поднимали наши «доброжелатели» из новых партий, хотя и сами проводили точно такие же мероприятия, к финансированию которых никто почему-то не придирался.

Как это было у нас? Сейчас это покажется странным, но участникам конференции не только никто не оплачивал, скажем, дорогу, но они и сами платили т.н. «организационный взнос» - на аренду зала этой суммы хватило. Другие организационные расходы оплачивались из фонда, созданного за год до этого при участии народного депутата СССР, ныне покойного Жени Когана, с которым у меня были очень тёплые отношения. Когда же фонд истощился, я пустил на подготовку съезда деньги, собранные на подписку на нашу «Народную газету». Это было, конечно, не очень красиво, но, не говоря уже о том, что в данном случае цель в буквальном смысле всё же оправдывала средства, газету всё равно везде отказывались печатать, а даже если бы и

согласились, то благодаря Гайдару с его «шоковой терапией» цены так быстро росли, что денег хватило бы разве что на пару номеров.

Итак, на конференцию, которая изначально называлась совещанием, прибыло 130 делегатов из семи союзных республик и около 30 регионов Российской Федерации, по данным мандатной комиссии представлявших около 100 тысяч коммунистов. Однако больше половины делегатов представляли отнюдь не местные организации, стремившиеся к воссозданию КПСС, а новые партии, которые по соображениям единства коммунистов нельзя было не пригласить. Полномочия этих как бы делегатов нельзя было не признать, поскольку о своём желании помешать возрождению КПСС они открыто не говорили. Почти все эти деятели были из Москвы или Московской области.

Они-то, в сущности, являвшиеся всего лишь гостями, поскольку с самого начала не собирались участвовать в воссоздании КПСС, а хотели лишь помешать этому процессу, и устроили ряд скандалов.

Самую большую активность в этом плане проявили представители Российской коммунистической рабочей партии (РКРП). Присутствовавший на конференции Виктор Анпилов (которого, кстати, вскоре исключили из самой РКРП) огласил специальное заявление, в котором утверждалось, будто воссоздание КПСС ставит под угрозу запрета все вновь созданные компартии и что возрождение комдвижения должно идти по пути слияния с РКРП как самой мощной партией. Когда ему стали возражать, он буквально начал кричать и со скандалом покинул зал вместе с двумя десятками своих сторонников.

Примерно то же самое заявили немногочисленные представители ВКПБ, которые тоже ушли. Лидер Российской партии коммунистов А.В.Крючков выступил с дежурным приветствием, скандала не устраивал, но на следующий день просто не приехал.

Как раз на второй день и началось самое интересное. На начало дня зарегистрировалось 65 делегатов, из которых чуть ли не половину всё равно составляли, по существу, гости – представители Союза коммунистов, Большевистской платформы и МГК ВЛКСМ, причём опять-таки, в основном, москвичи.

Лидер Союза коммунистов Алексей Алексеевич Пригарин выступил за то, чтобы считать конференцию всего лишь совещанием, а решение вопроса о созыве съезда отдать горбачёвскому ЦК. При этом он демонстрировал какое-то раздвоение сознания, утверждая, что партию нужно возрождать снизу... под руководством старого ЦК. Ему возражали, говоря о том, что вот здесь, в этом зале представлены практически все уцелевшие и воссозданные низовые организации КПСС. Именно они должны решать судьбу партии, а не этот ЦК, который себя полностью дискредитировал ещё до переворота (припоминали, например, как в апреле 1991 г. почти все его члены, в том числе и сам Пригарин, голосовали против отставки Горбачёва) и никого не представляет. Сколько членов бывшего ЦК поддерживает созыв съезда? - спрашивали у

Пригарина. Он мялся, не называя конкретных цифр, но было ясно, что это всего лишь несколько человек.

Вопрос о том, что старый ЦК себя полностью дискредитировал, был в тот момент самым главным. Помнится, в своём выступлении автор этих строк, сравнивая ситуацию с 1917 годом, говорил, что отдать инициативу старому ЦК равнозначно решению съезда Советов уже после Октябрьской революции поддержать Временное правительство.

В конце концов, вопрос о статусе мероприятия был поставлен на голосование. Большинство высказалось за то, чтобы считать его конференцией, что по Уставу КПСС давало возможность созыва чрезвычайного съезда. И что же сделал Пригарин, с которым, как вы помните, у меня имелась договорённость о взаимном признании решений конференции? Он нарушил данное им обещание и вместе со своими сторонниками покинул мероприятие. Судите сами, можно ли было после этого ему в чём-то доверять...

В итоге в зале осталось около трети первоначальных участников мероприятия. Тем не менее, уход членов вновь созданных партий (т.е., фактически, гостей, которые приехали туда лишь для того, чтобы помешать воссозданию КПСС) практически не повлиял на представительство коммунистов. Ушедшие были почти исключительно москвичами, за которыми не последовали представители с мест (из почти 40 делегаций ушло четыре). В итоге в принятии резолюций участвовали представители почти 100 тысяч коммунистов – практически всех, кто на тот момент выступал за возрождение КПСС.

Теперь, когда никто не мешал, работа пошла очень быстро. Было принято решение о перерегистрации до 1 апреля членов КПСС и по возможности регистрации объединений на местах, проведении в апреле второй части конференции и избрании в процессе восстановления партии делегатов на чрезвычайный XXIX съезд КПСС, который был запланирован на июнь 1992 года (реально он прошёл 4 июля). Конференция также констатировала, что партия продолжает работу как организованная политическая сила.

Был избран Всесоюзный комитет коммунистов (ВКК) по созыву XXIX съезда КПСС. Формировался он следующим образом: были подтверждены полномочия членов Комитета за единство коммунистов, которых было всего несколько человек, плюс утверждено вхождение в состав ВКК представителей регионов. Те регионы, которые ещё не были представлены, могли в дальнейшем делегировать в состав ВКК по одному человеку. Были даже выделены места в ВКК для представителей новых партий, но этим правом они, конечно, так и не воспользовались.

Прямо в присутствии делегатов состоялось первое заседание Всесоюзного комитета коммунистов, избравшее Скворцова своим координатором (вопреки издевательскому утверждению, например, «Независимой газеты» о том, будто бы я сам себя назначил).

Итак, конференция, впоследствии получившая название XX Всесоюзной конференции КПСС, состоялась и в соответствии с Уставом партии приняла

все необходимые решения. Дорога к созыву чрезвычайного съезда КПСС была открыта.

ДЕМОНСТРАЦИЯ 23 ФЕВРАЛЯ 1992 ГОДА

Буквально через неделю нам предстояло принять, так сказать, боевое крещение. Группа соратников, которая инициировала возрождение КПСС, существовала уже давно и даже была официально зарегистрирована как добровольное общество «Фонд социальных инициатив» (ФСИ). Именно от имени этого общества и была подана нами заявка на проведение 23 февраля демонстрации в честь Дня Советской Армии и Военно-Морского Флота. Как председатель Правления ФСИ я подписывал эту заявку и таким образом оказался среди организаторов этого мероприятия.

Некоторых деталей я не помню, поскольку непосредственно не занимался подготовкой – у нас был свой представитель в организационной группе. Помню только, что в проведении шествия по улице Горького мэрия нам отказала, а Моссовет разрешил.

Утром 23 февраля наша группа прибыла на площадь Маяковского, когда оцепление вдруг расступилось, и открылся проход в сторону Кремля. Люди ринулись туда, и я побежал, чтобы оказаться в первом ряду шествия – я искренне считал тогда и считаю сейчас, что организаторы должны быть впереди.

В первой шеренге я занял место рядом с каким-то молодым майором в форме, с другой стороны от которого шёл генерал Макашов (это можно видеть на кадрах, которые показывал в своей передаче Невзоров). Перед нами маячила шеренга омонцев, перекрывавшая улицу Горького от края до края. Мы пошли на них этаким живым тараном, причём, приблизившись, я закричал, обращаясь к омонцам: «Помните о присяге!». Это вызвало у них ухмылки, но, кажется, подействовало – первую цепь мы преодолели без особого труда. Омонцы не то, чтобы расступались, но в драку не лезли.

Так мы преодолели несколько заслонов. Что интересно, никакого страха не было. Говорят, именно так чувствуют себя солдаты в реальном бою - думаешь только о выполнении своей задачи, и бояться просто некогда. Тем не менее, прорывать цепи ОМОНа становилось всё труднее и труднее. Кажется, на третьей цепочке я получил удар по ноге, а на четвёртой один из бойцов замахнулся на меня дубинкой, но майор вырвал её и отбросил в сторону.

Мы остановились. При этом сзади омонцы сомкнули ряды и разрезали демонстрацию на несколько частей. Какое-то время мы стояли на месте. С грузовика через громкоговоритель кто-то сообщал, что Анпилов сейчас

пытается договориться с властями, чтобы демонстрантов всё же пропустили к могиле Неизвестного солдата для возложения цветов.

Кто-то предложил пройти к Кремлю по боковым улицам – может, они не перекрыты. Народ двинулся туда, благо проход был свободен. Удалось, однако, пройти лишь несколько кварталов – дальше дорогу снова перекрыли. Все двинулись к реконструированной гостинице «Минск», где начался импровизированный митинг – «трибуна» размещалась где-то на третьем этаже. Я тоже выступил, сообщив о возрождении КПСС и проведённой конференции. Собравшиеся встретили мои слова аплодисментами и приветственным углом.

Публика начинала расходиться, и наша группа решила всё-таки в индивидуальном порядке пройти к могиле Неизвестного солдата. Предъявив удостоверения «Народной газеты», мы благополучно миновали оцепление и... встретились со знакомым милицейским генералом. Он участвовал в процессе согласования мероприятия, и наш ответственный там с ним и познакомился. Он встретил нас чрезвычайно любезно и даже почему-то просил обращаться к нему по имени, которого я, к сожалению не помню.

Увы, для тех, кто остался, всё окончилось не столь благополучно. Через час или два после нашего ухода начались массовые избиения. Они стали первыми в истории «новой России»...

Как ни странно, мой рассказ на этом не заканчивается. Через неделю или две мне позвонили из московской прокуратуры и вызвали на допрос в связи с демонстрацией 23 февраля. Честно говоря, я даже подумывал, не явиться ли туда «с вещами», но всё же решил, что этого делать не стоит. И решил, как оказалось, правильно.

Следователя прокуратуры интересовали вовсе не мои действия, а действия милиции и ОМОНа. В конце беседы он даже откровенно сказал, что ОМОН не имел полномочий на разгон демонстрации и применял спецсредства незаконно. Прокуратура даже пыталась привлечь бандитов в погонах к ответственности, но это ей не удалось.

Собственно, здесь как раз ничего удивительного нет. Удивительно то, что прокуратура вообще предприняла подобное расследование. Объясняется это тем, что тогда прокуратура подчинялась не Ельцину, а Верховному Совету, который относился к исполнительной власти всё более негативно. Как известно, это кончилось вооружённым противостоянием в октябре 1993 года, о чём я ещё расскажу.

(Продолжение следует)

* * *